

ΝΑΠΟΛΕΟΝ ΒΟΝΑΠΑΡΤ

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Императорские максимы

МОСКВА
2017

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-44
Н27

Серия «Pocket book»
Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция картины «Наполеон на перевале Сен-Бернар» (1801) художника Жак-Луи Давида (1748—1825)

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Наполеон Бонапарт.

Н27 Императорские максимы / Наполеон Бонапарт. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-089783-4 (Pocket book)

ISBN 978-5-04-089784-1 (100 главных книг)

Наполеон Бонапарт не просто известный исторический деятель, он — идея, символ стремительного карьерного взлета, блестящего успеха и популярности, граничившей с обожествлением. Отдадим должное кесарю: Наполеон сам стал гениальным творцом своего блестящего имиджа в глазах восхищенной публики. Ему оказалось под силу не только превратить пламенных республиканцев в преданных солдат новой монархии, но и заставить восхищаться собой тех, кого судьба определила его врагами. Едва ли не самым надежным оружием императора в борьбе за умы и сердца людей было слово. Недаром цитировать Наполеона всегда считалось признаком образованности и хорошего вкуса. В этой книге собраны жемчужины его красноречия, в которых прекрасно проявились обе стороны этой неординарной личности: умный, тонкий человек и честолюбивый расчетливый властелин. Обоим всегда было что сказать миру.

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-089783-4
ISBN 978-5-04-089784-1

© Перевод на русский язык,
комментарии и примечания.
Издательство «Око», 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Автор собранных здесь максим и фрагментов различных произведений — Наполеон Бонапарт — не нуждается в представлении читателям: уже написаны сотни его биографий и совсем недавно вышли русские переводы новейших наполеоноведческих исследований — Б. Вейдера, Ж. Тюлара и Д. Чандлера, новые переиздания давних книг А. Вандаля, Г. Верне и В. Слона, лучших русских биографий Наполеона, принадлежащих перу Е. Тарле и А. Манфреда.

Наполеон владел словом так же, как управлял армиями и целыми государствами, признаваясь при этом, что предпочитает «силу вывода красоте стиля», поскольку анализ ситуации и принятое решение подразумевают действия, а они «стоят всегда больше, нежели слова».

Открывают эту книгу тексты, безусловно принадлежащие Наполеону. Большую часть их он диктовал, но было время, когда Наполеон еще не имел секретарей и сам брал в руки перо. Более того, в молодые годы он часто заботился и о «красоте стиля»: биографам известны его попытки собственноручно литературно-художественного творчества;

им было написано несколько рассказов и новелл, начат роман «Клиссон и Евгения» (фрагменты включены в настоящее издание).

Однако современники, рано почувствовав, что имеют дело с необыкновенным человеком, записывали и записывали не только то, что он им диктовал, но и многое другое — афоризмы, размышления, воспоминания императора. И уже при его жизни распространялись сборники наполеоновских «максим» и «сентенций». В своем завещании Наполеон отказывается признать их подлинными, но мы не вправе отбрасывать свидетельства тех, кто был рядом с величайшим полководцем и правителем Нового времени. Эти материалы составляют второй раздел нашей книги. В третьем и четвертом разделах представлены наблюдения и размышления современников и потомков, причем завершают книгу оценки начала XXI века, которые тоже не оставили надежды объяснить феномен Наполеона Бонапарта.

Лео Яковлев

I

Собственноручные и продиктованные записки

*Из сочинений и писем
разных лет*

КЛЯТВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЦЕРЕМОНИИ КОРОНАЦИИ 2 ДЕКАБРЯ 1804 Г.

Яклянусь сохранять в неприкосновенности территориальную целостность республики, соблюдать и следить за соблюдением статей Конкордата и закона о свободе вероисповедания, соблюдать и следить за соблюдением принципов равноправия, политических и гражданских свобод, неотменяемости распродажи национального имущества, не повышать налогов и не вводить не предусмотренных законом пошлин, способствовать деятельности ордена Почетного легиона, править исключительно во имя интересов, счастья и славы французского народа.

ТРОННАЯ РЕЧЬ

Я восхожу на трон, на который призван единоподушным желанием сената, народа и воинов, с сердцем, исполненным предчувствия о великих судьбах французской нации, которую я первый назвал *великою*.

С самого моего детства все мои мысли были посвящены ей; и я должен сказать, что все теперешние мои радости или печали зависят от счастья и несчастья моего народа.

Потомки мои сохранят этот трон, первый в целом свете.

В военных станах они явятся первыми солдатами армии и не будут щадить своей жизни для блага отечества.

На поприще гражданской службы они никогда не забудут, что презрение к законам и потрясение общественных учреждений есть не что иное, как проявление слабости и недомыслия правительственных лиц.

Вы, сенаторы, в которых я всегда и постоянно находил и советников, и опору в самых затруднительных обстоятельствах, вы передадите свой дух вашим преемникам; будьте всегда первыми советниками и опорой этого трона, столь необходимого для счастья нашей пространной империи.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К НАРОДУ

Законодательный корпус стоит на страже общественного достояния. Его задача — принятие законов. Если ему вдруг заблагорассудится воспрепятствовать принятию второстепенных законов, я не стану ему противиться. Но если в его среде образуется оппозиция, готовая помешать деятельности правительства, я обращусь к сенату, воспользовав-

шись всеми своими правами, а в случае необходимости прибегну к поддержке Народа, возвышающегося над этой пирамидой власти.

О ВОЙНЕ

(из очерков Наполеона о войнах Цезаря,
Тюренна и Фридриха)

Ахиллес, сын богини и смертного, — вот прообраз военного гения. Божественная его часть проявляется в психологической проникновенности, в разгадке характера, таланта и побуждения вашего противника, а равно помыслов и силы духа вашего солдата — могучего и победоносного или слабого и разбитого, в зависимости от того, кем он себя считает. Часть земная — это вооружение, укрепления, позиции, боевые порядки — словом, все, что входит в соображение своей вещественной стороной.

* * *

На войне не может быть ничего безусловного.

* * *

Вероятно, Цезарь одержал *бы* успех (над парфянами), донеся римские знамена до берегов Инда, если бы только счастье, благоволившее ему в продолжение его войн, на этот раз не изменило ему. Оно благоволило Сципиону в пяти войнах, Александру — в одиннадцати, покинуло Помпея только на шестнадцатой, Ганнибала — на семна-

дцатой войне, — и никто из них не мог хотя бы на один еще год приковать к себе эту жестокосердную ветреницу.

* * *

Он (Тюренн, в войне 1758 г.) нарушил вот какое правило: пользуйтесь благосклонностями судьбы, пока прихоти влекут ее к вам; берегитесь, как бы с досады она не отдалась другому. Судьба — женщина.

* * *

Судьбе нравилось сыпать свои щедроты на Фридриха, которого следовало разбить по частям до сосредоточения его обеих армий и каждую порознь изгнать (в 1757 г.) из Богемии.

* * *

Спасение короля (в Гохкирхенском сражении) должно приписать его громадному счастью.

* * *

Поведение Катона было одобрено его современниками и в истории представляется удивительным. А кому его смерть принесла пользу? Цезарю. Кому она доставила удовольствие? Цезарю. Для кого она была пагубна? Для Рима, для своей же партии. Он предпочел, скажут, смерть покорности. Но кто заставлял его смиряться перед Цезарем? Почему он не отправился вслед за своею конницей или вместе с теми приверженцами Помпея, кото-

рые отплыли из Утики в Испанию, где их партия снова сосредоточилась. Неужель он не произвел бы никакого влияния ни своими советами, ни своим присутствием среди тех десяти легионов, которые год спустя еще раз оспаривали у Цезаря судьбы мира на поле сражения при Мунде! И даже после этого поражения что могло воспрепятствовать ему скрыться на море вместе с молодым Помпеем, который пережил Цезаря и долго еще со славою предводительствовал республиканскими орлами? Кассий и Брут, племянник и воспитанник Катона, лишили себя жизни на поле битвы при Филиппах. Кассий убил себя в то время, как Брут одерживал победу; по недоразумению, вследствие кажущейся безнадежности, внушенной ложною отвагой и ложным понятием о величии, — они отдали свою победу триумвирам. Марий, покинутый счастьем, стал выше самого счастья; будучи обнаружен на море, он скрылся в Минтурнских болотах; настойчивость его была вознаграждена: он возвратился в Рим и в седьмой раз был избран в консулы. Со старившийся, одряхлевший, на верхней ступени благополучия, он умертвил себя лишь для того, чтоб избегнуть новых превратностей, но в то время, когда партия его восторжествовала. Ведь, если бы Книга судеб раскрылась пред Катоном и он прочел в ней, что в грядущие четыре года Цезарь, пораженный двадцатью тремя кинжалами, падет в сенате к подножию Помпеевой статуи, а на ораторскую трибуну взойдет Цицерон и оттуда будут

еще раздаваться его громкие филиппики против Антония, пронзил ли бы Катон себе грудь?.. Нет, его самоубийство случилось просто с досады, с отчаяния. Смерть его была слабостью великой души, заблуждением стойка, пятном на его жизни.

Какую услугу оказал бы Катон, будь он в Кордове, среди войска молодых Помпеев, партия которых, побежденная при Фарсале и Тапсе, возрождалась из пепла — так сильна она была еще в мнении народа! Значит, смерть этого доблестного гражданина была несчастьем для сената и для республики. У него не достало терпения; он не сумел выждать времени и случая.

* * *

Говорят, что Цезарь во время сражения при Мунде был близок покончить с собой самоубийством; этот поступок был бы гибелен для его партии; Цезарь был бы разбит, как Брут и Кассий... Может ли самовольно покидать своих приверженцев участник правления или глава партии? Добродетелью ли, храбростью ли, душевной ли мощью поддается подобное решение! Не есть ли смерть конец всех зол, всех противоречий, всех тягостей, всех трудов, и не составляет ли презрение к жизни обычную добродетель заурядного солдата? Можно ли, должно ли лишать себя жизни? Да, говорят, когда потеряна надежда. Но кому, когда, как можно оставаться без надежды на этих вращающихся жизненных подмостках, где

естественная или насильственная смерть одного только человека изменяет в ту же минуту положение и состояние дел.

* * *

Есть в сражениях мгновение, когда малейший маневр решает дело и дает превосходство, как капля воды, переполняющая сосуд.

* * *

Одерживая победы без трепета за неуспех, получают и триумф без славы.

* * *

Что можно сделать одной храбростью против армии дисциплинированной и организованной?!

* * *

Людовик XIV выступил в поход, имея 100 тысяч человек, из них три четверти пехоты, с осадным и полевым парком. Это составляет новую эру в военном искусстве.

Людовик XIV был великий король; он выдвинул Францию в первый ряд среди европейских держав; именно им первым было выставлено 400 тысяч солдат и 100 боевых кораблей; он присоединил к Франции Франш-Конте, Руссильон, Фландрию и возвел одного из своих внуков на испанский трон. А отмена Нантского эдикта, а драгоннады, а булла воссоединения, а двести миллионов долга, а Версаль, а Марли, этот недостойный любимец, а г-жа

Ментенон, Вильруа, Тальяр, Марсен и т. д. и т. д. Эх! А на самом солнце разве нет пятен? Какой из французских королей после Карла Великого может сравниться с Людовиком XIV в каком бы то ни было отношении?

* * *

Прусский король выстоял под ударами Франции, Австрии и России в течение целых семи лет войны. Чудесен подобный исход. Государь, имевший только четыре миллиона подданных, семь лет вел борьбу против трех самых значительных государств Европы с населением в 80 миллионов.

* * *

Когда варвары заметили, с какой легкостью приближаются римские башни к их стенам, контраст между нравственной мощью врага и собственной физической слабостью поверг их в изумление и ужас; они прибегли к милосердию врага, побросали оружие за стены и предлагали заложников.

* * *

Всякий народ, упускающий из вида важность правильной постоянной сухопутной армии и полагающийся на народные ополчения или милиционные армии, подвергнется судьбе галлов, но лишь без славного упорства, оказанного ими и бывшего следствием как варварства тех времен, так и мест-

ности, бездорожной, покрытой лесами, болотами, топями, что делало Галлию трудной для завоевания и легкой для обороны.

* * *

Способность разгадывать помыслы своих солдат проявилась особенно величественно у Цезаря в 47 г. до Р. Х. во время бунта ветеранов.

Все военачальники, которые пытались вступить с ними в переговоры, были умерщвлены; в бессознательном порыве легионы сорвали свои орлы и двинулись на столицу, угрожая в своих выкриках самому Цезарю. Диктатор приказал запереть городские ворота, а когда мятежники собрались на Марсовом поле, он вышел к ним и, сурово поднявшись на ораторскую трибуну, резким голосом спросил, чего они требуют.

«Мы изранены, — сказали они, — достаточно долго бродим по свету и проливаем нашу кровь; мы требуем отставки». Цезарь лаконически ответил: «Согласен». Помолчав немного, он прибавил, что через несколько недель идет в поход, и когда одержит новые победы с новыми воинами, то тогда исполнит прежние свои обещания. Встав с места, он на этом хотел и покончить, но его ближайшие помощники приступили к нему с просьбою сказать хотя несколько ласковых слов старым своим товарищам, с которыми он приобрел столько славы и преодолел столько опасностей. Цезарь сел опять и произнес: «Граждане!» (Обыкновенно же он звал их воинами или товарищами.) Ропот про-